

Дискурс и стереотип¹

И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимодействия коммуникативного феномена дискурса и ментального феномена стереотипа. Под дискурсом понимается событийное высказывание, нарушающее привычный ход вещей и создающее таким образом новый смысл. Под стереотипом понимается такое представление, которое направлено на упрощение сложных социальных процессов и защиту тем самым обыденного мышления, его позиций, мнений и права на «истину». Показывается, что порядок дискурса, таким образом, направлен на неизвестные, вновь открываемые стороны мира, в то время как стереотип обращается к известным и потому предсказуемым конструкциям. Трактую дискурс как коммуникативно значимое событие, авторы приходят к выводу, что стереотип уничтожает именно событийный потенциал дискурса, сохраняя его форму, а в ряде случаев и украшая её различными риторическими средствами. В контексте этого положения авторы выделяют шесть основных черт стереотипа: а) доксологичность; б) коллажность; в) словесная избыточность; г) мягкость дискурсии; д) отсутствие критической рефлексии; е) высокая прагматичность, предполагающая возможность перформатива.

Ключевые слова: Дискурс, стереотип, коммуникативное событие, перформатив.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383)3301331. E-mail: silantev@philology.nsc.ru.

В первом приближении понятия дискурса и стереотипа оказываются далеко отстоящими друг от друга и слабо связанными.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

В современной теории коммуникации под дискурсом понимают событийной высказывание, нарушающее привычный ход вещей и создающих таким образом новый смысл. Проще говоря, любое оригинальное высказывание, отвечающее целям и интересам отправителя и получателя сообщений, попадает под определение дискурса.

Терминологический статус понятия стереотип впервые получил в 1922 году в работах американского политолога и специалиста по коммуникациям У. Липмана, который подразумевал под стереотипом картинку мира в голове человека, направленные на упрощение сложных социальных процессов и защиты тем самым обыденного мышления, его позиций, мнений и права на «истину». Порядок дискурса, таким образом, направлен на неизвестные, вновь открываемые стороны мира, в то время как стереотип обращается к известным и потому предсказуемым конструкциям. Говоря о порядке дискурса, французский историк культуры М. Фуко заметил, что «с тех пор, как были исключены игры и торговля знанием софистов и их парадоксам заткнули, наконец, рот, европейская мысль, кажется, не переставала заботиться, чтобы оставалось как можно меньше места между мыслью и речью, о том, чтобы дискурс выступал только как некая вставка между “думать” и “говорить”» [Фуко, 1996. С. 75]. Одним из самых эффективных инструментов, ограничивших всевластие дискурса, стал стереотип.

Целью нашего исследования отнюдь не является рассмотрение всех аспектов языка и мысли, связанных со стереотипом. Напротив, мы хотели бы остановиться только на одной проблеме: каким образом стереотип становится основной, если не единственной, формой борьбы с коммуникативными возможностями дискурса. Трактую дискурс как любое коммуникативно значимое событие, мы приходим к выводу, что стереотип убивает именно событийный потенциал дискурса, сохраняя его форму, а в ряде случаев и украшая её различными риторическими средствами.

Понять механизм такого уничтожения можно, лишь определив точку схождения дискурса и стереотипа, их место в универсальной модели текстообразования. Эта модель была создана известным нидерландским лингвистом Т. ван Дейком [ван Дейк, 1989]. Она включает три иерархических уровня, благодаря которым возникает связность текста: пропозициональные отношения, основанные на актуальном членении предложения, делающем упор не на синтактику, а на семантику и прагматику благодаря разделению высказывания на тему и ремю; макроструктурные отношения, базирующиеся на принципе presupпозиции, выражающем ожидания получателя сообщения (цель, интерес, стиль); наконец, отношения суперструктурные, маркирующие тот или иной тип текста (или то, что М. М. Бахтин называл речевыми жанрами).

Мы полагаем, что именно на уровне макроструктурных оппозиций дискурс встречается со стереотипом и вступает с ним в отношения состязания (агона). Следствием такого агона становится война языков в смысле Р. Барта, а её результатом – деление языкового поля на энкратические социолекты в случае победы стереотипа над дискурсом, и акратические, когда дискурс побеждает стереотип. Напомним, что энкратический язык, по Р. Барту, «нечётко, расплывчат, выглядит как «природный» и потому трудноуловим; это язык массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения), а в некотором

смысле также и язык быта, расхожих мнений (доксы)... Напротив того, акратический язык резко обособлен, отделён от доксы (то есть парадоксален); присущая ему энергия разрыва порождена его систематичностью, он зиждется на мысли, а не на идеологии» [Барт, 1989. С.537].

В рамках нашего исследования мы не будем рассматривать власть дискурса в акратическом языке, куда Барт относит марксистский, фрейдистский или ницшеанский дискурсы, а также построения ранних и поздних софистов, проще говоря, все случаи, где, по выражению Л. Витгенштейна, «философия ведёт непримиримую борьбу против околдования нашего разума чарами языка». Предметом нашего анализа окажутся как раз случаи однозначной победы стереотипа над коммуникативной событийностью дискурса. В этом контексте мы выделяем шесть основных черт стереотипа и пытаемся объяснить особенности каждой: а) доксологичность; б) коллажность; в) словесная избыточность; г) мягкость дискурсии; д) отсутствие критической рефлексии; е) высокая прагматичность, предполагающая возможность перформатива.

В основе одержавшего победу стереотипа всегда лежит докса, базирующаяся на здоровом смысле и/или общепринятом мнении. Эти доксы не существуют изолированно, но образуют своего рода набор. Любой стереотип всегда существует в соседстве с другими и тем самым определяет содержание нашего мышления. В качестве примера такого образа мышления можно привести отрывок из стихотворного романа Ильи Сельвинского «Пушторг» (1927). Вот как в нём характеризуется конструкция мыслей главного героя Льва Кроля.

Он знал, например, афоризм Ибсена:
«Не жертвуй честью ни дружбе, ни любви»,
Он знал, что до Гоголя сотворён «Вий»,
Что нитрогениум значит азот,
Что в Дании на четверых один кооператор,
Тогда как в России на 7500.
Что озимь видать уже на Илью,
Что Илья приходится на июль,
Что от слова «добить» произошло – «добыча».
У Пушкина в зубе была дыра,
Против глистов помогает клизма, –
Короче говоря, не вредный обычай
Читать перед сном листки календаря.

Ценность этого отрывка усиливается тем, что поэт точно указывает адрес, из которого черпается подобная информация. Листки отрывного календаря – не только кладёшь познания, но и идеальный формат для хранения и распространения стереотипов.

В наше время функции отрывного календаря берёт на себя Интернет. Пользователю сети ежедневно и ежечасно предлагается набор сайтов новостного и развлекательного характера, обязательными компонентами которого служит стереотипная информация, заключённая в краткие текстовые форматы, подобные листкам календаря. Вершиной воплощения стереотипной стратегии Интернета выступает Википедия – так называемая «народная энцикло-

педия» Интернета, успешно соединяющая в единый свод все общие представления человечества в его европейском варианте о мире и самом себе.

Другим питательными средами и источниками стереотипного оформления мировоззрения и мироотношения в современной массовой культуре выступают средства массовой коммуникации, особенно телевизор, а также вовлечённые в него дискурсивные практики политики, социальной квази-экспертизы, воплощённые в жанрах различных «ток-шоу», «круглых столов», «теледебатов» и т.п. О роли телевидения и квази-экспертов («fast-thinkers», по аналогии с «fast food») ярко и глубоко написал П. Бурдьё в саркастической книге «О телевидении и журналистике» [Бурдьё, 2002]. Не менее продуктивна в плане культивирования стереотипов и среда школьной дискурсивной практики. Школьный учебник – это, собственно говоря, заповедник стереотипов самого разного толка, причём это касается не только учебников по гуманитарным дисциплинам, но и текстов естественнонаучного цикла образования.

Другим признаком стереотипов является их коллажность, подразумевающая не только отсутствие логической системности, но и отказ от какой-либо аксиологии. В наборе стереотипов важна не столько их тривиальность, сколько смешение действительно важного для образования со случайным и даже нелепым. Если источником доксологичности является календарь, то коллажность задаётся такими типами текста, как кроссворды, сканворды или чайнворды. Когда вам предлагается по горизонтали название одной из бразильских авиакомпаний, а по вертикали фамилия матери голливудской заезды до замужества или название совета, который решал судьбу новорожденных в Спарте, или киргизское название ткани из козьего пуха, реализуется именно такая коллажность. При этом подразумевается, что потребитель коммуникативного продукта действительно отбросит все дела и начнёт рыться в ворохе справочной литературы, никак не связанной с системным мышлением.

Коллажность стереотипов ещё в большей степени характерна для жанра так называемой массовой газеты, издаваемой в формате таблоида («penny press»). Современная массовая газета представляет собой радостно-идиотский коллаж самых ходовых и употребительных стереотипов, заметки, репортажа, вопроса – ответа и т.п. Характерно, кстати, что именно на последних страницах таблоидов прочно обосновались кроссворды, сканворды, чайнворды и прочие «ворды». Нынешняя художественная литература также без особого стеснения вовлекает себя в процесс массового воспроизводства стереотипов, обнаруживая органические связи с таблоидом и рекламой [Силантьев, 2006].

Известный французский культуролог А. Моль, характеризуя коллажность современного стереотипного сознания, разделяет две культуры, противопоставляя культуре классической – современную, «мозаичную». «Роль культуры состоит в том, что она даёт человеку «экран понятий», на который он проецирует и с которыми он сопоставляет свои восприятия внешнего мира. У традиционной культуры этот «экран понятий» имел рациональную «сетчатую структуру», обладавшую, так сказать, почти геометрической правильностью. По целостной и стройной сети понятий человеку ничего не стоило перейти, скажем, от китайского фарфора к карбюратору и соотнести новые понятия со старыми. Современная культура, которую мы называем «мозаичной», предлагает для такого сопоставления экран, похожий на массу волокон, сцеплённых

как попало, – длинных, коротких, толстых, тонких, размещённых почти в полном беспорядке. Это экран вырабатывается в результате погружения индивидуума в поток разрозненных, в принципе никак геометрически не упорядоченных сообщений – он знает понемногу обо всём на свете, но структурность его мышления крайне ограничена. Математически различие между двумя культурами можно выразить путём противопоставления близкого порядка («мозаичная культура»), где культуремы связаны так называемыми марковскими вероятностями ассоциаций..., понятиям дальнего порядка, где идеи упорядочены в иерархию определёнными структурами связей (в том числе синтаксическими структурами)» [Моль, 2008. С. 44].

Каждый раз стереотип стремится к языковой избыточности, но опять-таки не столько в плане количественного преобладания слов над мыслями, сколько в том, что качество слова является избыточным по отношению к той ситуации, к которой он прилагается. Стереотип всегда стремится обозначить бытовую ситуацию как субстанциальную, а субстанциальную опустить до уровня бытового наблюдения. Именно поэтому он всегда недостаточен для обозначения универсального, поскольку между мышлением и говорением в нём сразу обнаруживается «дыра смысла», и избыточен для обозначения уникального, ибо уникальное всегда экзистенциально, т. е. адресовано конкретной личности, что не подразумевается стереотипом. Стереотип изначально враждебен парадоксу, иронии и любой языковой инновации, т. е. игре ума, всякий раз разрушающей предсказуемость дискурса.

В этом смысле стереотип представляет собой пример «мягкого» дискурса и обладает всеми чертами энкратического языка, о котором писал Р. Барт. Дискурсивное воплощение стереотипа обладает высокой степенью экстраполяции. Подобная высокая предсказуемость охватывает в свою очередь и другие уровни сообщения, в частности, уровень наррации, делая стереотипные сообщения похожими друг на друга, как две капли воды. Так, повестка дня и интерпретация новостных сообщений на трёх общероссийских каналах делает их передачи фактически идентичными.

Стереотип чужд критической рефлексии, но не в том смысле, что он содержит внутри себя какие-то табу или другие механизмы цензуры. Для критической рефлексии в стереотипе просто не оказывается места. Стереотип стремится к всеобъемлемости и тем самым исключает правило фальсификации, установленное в своё время К. Поппером, ибо «в той степени, в которой научное высказывание говорит о реальности, оно должно быть фальсифицируемо, а в той степени, в которой оно не фальсифицируемо, оно не говорит о реальности» [Поппер, 1983. С. 239]. Вопреки видимости стереотип всегда апеллирует к реальности, но никогда не говорит о ней ничего существенного. Именно поэтому стереотип так прочно обосновался в современных средствах массовой информации, фактически уводящих общественное сознание от реальности в область узаконенных властью ментальностей, коррелирующих с полем идеологии.

При этом следует подчеркнуть мультимедийный характер современного стереотипа, обитающего в СМИ, – это уже не просто докса как общепринятое суждение, это общепринятый визуальный и аудиальный образ, общепринятый жест, общепринятая улыбка (в частности, «широкозубая» как в США), обще-

принятые предметы и вещи, и даже общепринятые безобразия (например, в частной хронике Голливуда или московского шоу-мира). И при всём том стереотип всё равно остаётся за гранью реальности – равно как зафотошопленная гламурная красавица на обложке глянцевого журнала остаётся не равной и не тождественной той реальной даме, которая послужила моделью для фотографии.

Ослабление семантической значимости делает стереотип высоко прагматичным высказыванием. В стереотипном суждении значимость всегда доминирует над значением. Уничтожая природу коммуникативного события и дискурса, стереотип ориентирован на иррациональное коллективное действие, на поступок, пусть даже не мотивированный, но всякий раз вызывающий к подвигу. С этой точки зрения стереотип намертво прикреплён не к дискурсу, но к лицу, уполномоченному на его произнесение, Стереотип исключает равноправный диалог (иную точку зрения) самим фактом своего существования. Единственной доступной формой диалога для него является вопросно-ответная форма, где неопытный ученик задаёт вопросы всезнающему учителю. В этом плане стереотип всегда «истинен», ибо его цель не мотивировать, но заражать. Прагматическая энергия стереотипа оказывается, таким образом, противоположной энергетическому потенциалу коммуникативного события, которое делает говорение событийным как раз благодаря непредсказуемости дискурса. Стереотип же – выражение архетипа, и потому всякий раз содержит в себе имплицитный магический жест. Именно поэтому стереотип авторитарен и тотален, он откровенно враждебен равноправной коммуникации, всегда предполагающей возможность выбора и изменения вектора свободы.

Будучи магическим жестом, стереотип связан с мифом и мифологическим мышлением. Стереотип не обязательно является мифом, он может быть обычной доксой, не претендующей на статус сакрального высказывания. Тем не менее, стереотип и миф имеют общую когнитивную природу. Исследователь политического мифа Кристофер Флад, апеллируя к трудам Мюррея Эдельмана, справедливо утверждает, что «неоднозначность, сложность происходящих процессов порождает недоумение и беспокойство... Отсюда потребность в мифах, в речевых инструментах, которые успокаивают людей, порождают у них иллюзию простоты и логичности. В политическом языке утверждаются ключевые метафоры, такие как «война с бедностью», и ключевые мифы – по большей части мифы о заговорах, о безупречных и героических вождях, о бескорыстной борьбе и самопожертвовании, – которые обостряют восприятие одних аспектов политической жизни и укрывают другие от общественного внимания. Благодаря постоянному повторению эти метафоры и мифы приобретают характер общеизвестных истин, способных вызвать мощный и энергичный отклик, что, в свою очередь, побуждает публичных политиков ещё интенсивнее внедрять мифы в обиход» [Флад, 2004. С. 75-76].

Общим для мифов и стереотипов является то, что и тот, и другой основаны на когнитивных шаблонах, создающих и поддерживающих иллюзию рационального познания мира и подталкивающих их носителей к отказу от креативного мышления. Указывая на подобную опасность, английский социальный психолог Майкл Биллинг писал: «Подходить к социальной психологии с когнитивных позиций – это нечто худшее, чем приравнять мышление к бездум-

ному следованию правилам. Это означает признать, что мышление – это по большей части утверждение в предрассудках» [Billing, 1991. P. 41]. Укоренение мифа и стереотипа в мышлении, по мнению американского философа У. Беннета, образует глубинную структуру языка и мышления индивидуума, играет в них роль медиатора между сознанием и бессознательным. Таким образом, согласно нашей гипотезе, и миф, и стереотип растворяют сукцессивный, т.е. развивающийся во времени дискурс, в недрах неподвижного симультанного гештальта, в результате чего любая рационализация оказывается бессильной перед властью магических формул и заклинаний. Если глобальный тренд мышления развивается от мифа к логосу, то стереотип обуславливает реверсивное движение от логоса к мифу через инструменты метафорики языка, которые приобретают терапевтическую функцию и на социальном уровне выполняют ту же роль, которую демонстрирует психоаналитик во время сеанса с пациентом.

Итак, начав своё исследование соотношения дискурса и стереотипа как чисто теоретической проблемы, мы столкнулись с тем, что она напрямую выводит нас к анализу конкретных культурных и политических практик. Это означает, помимо прочего, что, выполнив своё теоретическое предназначение, мы невольно оказались в пространстве критики идеологии и культуры. В своё время Ю. М. Лотман определил культуру как набор тестов. Оказавшись перед возможностью превращения культуры в набор стереотипов, мы были вынуждены указать на грозящую опасность.

Литература

- Барт Р.* Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М., 2002.
- Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М., 2008.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Силантьев И.В.* Газета и роман. М., 2006.
- Флад К.* Политический миф. М., 2004.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- Billing M.* Ideology and Opinions: Studies in Rhetorical Psychology L., 1991. P.41.

Article metadata

Title: Discourse and stereotype.

Author: I.V. Silantev, Yu.V. Shatin.

Author's e-mail: silantev@philology.nsc.ru.

Author affiliation: Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The problem of the interaction of discourse and stereotype is discussed in the paper. Discourse is understood as an event statement that violates the usual course of things thus creating a new meaning. A stereotype is understood as an

idea which is aimed at simplifying the complex social processes and thereby protects ordinary thinking, its attitudes, opinions and the right to «the truth». Thus the order of discourse is pointing out to the unknown and newly discovered side of the world, while the stereotype applies to the known and therefore predictable designs. Interpreting discourse as a communicatively significant event, the authors conclude that stereotype destroys an event potential of discourse, but preserves its form and in some cases decorates it with different rhetorical means. The authors identify six main features of a stereotype: a) commitment doxa; b) collages; c) verbal redundancy; g) discourse softness; d) lack of critical reflection; e) high pragmatism, suggesting the possibility of performative.

Key terms: discourse, stereotype, communicative event, performative.

Reference literature (in transliteration):

- Barthes R. *Vojna jazykov // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika.* M., 1989.
- Bourdieu P. *O televidenii i zhurnalistike.* M., 2002.
- Dijk T. van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija.* M., 1989.
- Moles A. *Sociodinamika kul'tury.* M., 2008.
- Popper K. *Logika i rost nauchnogo znanija.* M., 1983.
- Silantev I.V. *Gazeta i roman.* M., 2006.
- Flood Ch. *Politicheskij mif.* M., 2004.
- Foucault M. *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let.* M., 1996.
- Billing M. *Ideology and Opinions: Studies in Rhetorical Psychology L., 1991.* P.41.